

**БАЗОВЫЙ МИФ СССР:
СРАВНИТЕЛЬНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД**

М. В. Черников

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 22 марта 2021 г.

Аннотация: в статье с позиций сравнительно-концептуального подхода разбирается вопрос о правомерности атрибутирования марксистской теории социализма статуса так называемого базового мифа, в частности – базового мифа СССР. В свете современного состояния теории мифа эксплицируется специфика мифа как ментального образования и обсуждается вопрос выполнения мифом функции так называемого «базового мифа» (по Сорелю), когда миф начинает играть роль эффективного мобилизующего начала в плане осуществления массовых коллективных действий. Обсуждается вопрос о содержательной определенности такого концептуального образования, как марксистская теория социализма. Анализируется роль ленинского прочтения марксистской теории социализма в деле победы социалистической революции в России и строительства первого в мире социалистического государства. Выдвигается и обосновывается концепция, согласно которой марксистская теория социализма сыграла в русской социалистической революции роль базового мифа, а впоследствии стала выполнять роль базового мифа СССР. Обсуждаются последствия изменения функциональной роли марксистской теории социализма, используемой в СССР не столько в статусе научной теории, сколько в статусе базового мифа, обеспечивающего высшую легитимацию управленческих действий в рамках государственной политики. **Ключевые слова:** марксистская теория, социализм, миф, базовый миф, социалистическая революция, история России, история СССР.

Abstract: the article deals with the following question: is it legitimate to attribute the status of so-called basic myth, in particular, the basic myth of the USSR, to the Marxist theory of socialism from the standpoint of a comparative conceptual approach. The author explicates a myth as a mental formation and discusses the functions of so-called «basic myth» (term offered by G. E. Sorel), when a myth becomes an effective mobilizing basis for implementing mass collective action. Ways of defining and describing the Marxist theory are discussed. The article analyzes the role of Lenin's interpretation of the Marxist socialism theory in the victory of the socialist revolution in Russia and the construction of the world's first socialist state. The author puts forward the concept that the Marxist theory of socialism has played the role of a basic myth in the Russian socialist revolution, and subsequently began to play the role of the basic myth in the USSR. The article discusses the consequences of changing the functional role of the Marxist theory of socialism, which was used in the USSR not specifically as a scientific theory, but as a basic myth that provides the highest legitimation of managerial actions within the state policy.

Key words: Marxist theory, socialism, myth, basic myth, socialist revolution, history of Russia, history of the USSR.

Рассмотрение «больших», системно организованных концептуальных построений с позиции так называемой социологии знания привело к различению двух родов теоретических конструкций: нацеленных на отражение объективной истины, претендующих на истину, с одной стороны, и внешне похожих на первые, но решающих иные, чем «поиск истинь», задачи – с другой. Характерным примером теоретических конструкций первого рода являются научные теории, характерным примером теоретических конструкций второго рода являются идеологии и утопии [1]. В начале XX в. к числу последних было добавлено и такое концептуальное образование, как «базовый миф».

Первенство в разработке конструкта «базовый миф» принадлежит швейцарскому социалисту Ф. Сорелю, который, в частности, писал: «В ходе изысканий я обнаружил факт... : участники крупных общественных движений представляют себе ближайшие свои действия в виде битв, которые принесут их делу победу. Эти важные для историка конструкции я предлагал называть мифами – так, всеобщая стачка синдикалистов и катастрофическая революция Маркса суть мифы.

...такие системы образов не следует пытаться анализировать, разлагать на составные части, их нужно рассматривать в целом, как исторические силы, и особенно следует остерегаться сравнивать свершившиеся факты с представлениями, принятыми на веру до совершения действия [2, с. 43].

Как отмечает, Жак Жюльер, «...идею мифа придумал не Сорель. Об этой форме аффективной мысли, характерной для первобытного человека, задумывались многие авторы: от Фонтенеля и Бейля до Леви-Брюля и Дюркгейма». Но Сорель первым обратил внимание, что «миф.. – совершенно естественно превращается в репрезентацию будущего, т. е. в мобилизующий образ. Это и есть основа сорелевской теории мифа» [3, с. 15].

Пафос Сореля заключался в акцентуации мысли о важности для судеб человечества содержательно, возможно, и неверных, плохо верифицируемых или вовсе не верифицируемых, но выступающих достаточно правдоподобными теоретических представлений (концепций), которые столь ценностно заряжены, столь отвечают глубинным интересам человека, что «срывают крышу» даже у предельно рационально мыслящих людей, заставляя последних пускаться в, по сути, авантюристические деяния с непредсказуемым концом, и не только пускаться самим, но и вести за собой многочисленных последователей.

Такие ценностно «горячие» концепции – так называемые базовые мифы – упруго сопротивляются систематической критике. Но они отнюдь не бездумны. Они отнюдь не безразличны реальности и отнюдь не лишены рациональности. Другое дело, что их рациональность зачастую является рационализацией (Фрейд), когда движущей силой стройной цепи концептуальных построений становится не только и не столько анализ самой действительности, сколько желание изменить эту действительность. Как правило, вопрос о своей истинности такого рода концепции

связывают не с настоящим, а с будущим. «Надо ввязаться в бой, – любил говорить Ленин, – а там посмотрим».

Именно (лежащие в основе массовых человеческих деяний, а потому – базовые) мифы, горячо апеллирующие не столько к реальности, сколько к мучительно ощущаемой необходимости изменить сложившуюся реальность, рождают «героев, штурмующих небеса». Базовый миф, внедряясь в сознание человека, заставляет последнего чувствовать себя рожденным для того, чтобы «сказку сделать былью», для того, чтобы реализовать величественный Проект мифа, и, если надо, умереть за него, не подвергая сомнению достоверность Проекта. Как писал Ренан: «Мы умираем за мнения, а не за достоверности, за то, во что мы верим, а не за то, что мы знаем...» [цит. по: 2, с. 45].

Но не следует все-таки слишком поддаваться пафосу Сореля. Надо понимать, что, хотя базовый миф способен подвигнуть «на труд, на подвиг и на смерть», от этого он не перестает быть мифом, т. е. сущностно неверным отражением реальности. Даже если действительно «сложилась звезда» и Проект базового мифа «запустился», столкновение с реальностью неизбежно и коллизии этого столкновения неминуемы. Как будут протекать эти коллизии и к какому результату приведут – заранее предсказать вряд ли возможно, но исторический анализ соответствующих базовых мифов и особенностей реализации их Проектов в некоторых, по крайней мере, случаях представляется весьма поучительным. К числу такого рода случаев можно отнести и тот, остающийся для нас предельно актуальным, случай, который привел к образованию в начале XX в. особого государственного образования – СССР, ставшего в середине XX в. супердержавой, но уже в конце XX в. прекратившего свое существование.

Есть основания утверждать, что первая в мире социалистическая революция и построение первого в мире социалистического государства во многом оплодотворялись базовым мифом (по Сорелю) – так называемым базовым мифом СССР.

В основе базового мифа СССР лежит такая интерпретация высказанных Марксом концептуальных положений, которую можно назвать марксистской теорией социализма. Вопрос о том, насколько аутентична «истинному» марксизму «марксистская теория социализма», является дискуссионным. В XX в. многие интеллектуалы марксистского толка, разочаровавшись в социализме советского типа, в тех порядках, которые были установлены в России во времена Ленина и, особенно, Сталина, с их жесточайшим идеологическим прессингом, подкрепленным невиданным террором по отношению к инакомыслящим, приложили немало усилий, чтобы снять с Маркса ответственность за ту интерпретацию его учения, которая легла в основу базового мифа СССР и которую мы называем марксистской теорией социализма.

Сейчас мы не будем ввязываться в (во многом схоластический) спор о том, насколько аутентично русские социал-демократы восприняли

Маркса, в какой мере они редуцировали «истинного» Маркса, в какой мере ревизовали, а в какой – творчески развили. Для нас главное, что та – русскоязычная – рецепция учения Маркса, которую мы называем марксистской теорией социализма, во-первых, всецело основывается на работах Маркса, принимая за истину важнейшие концептуальные положения, действительно содержащиеся в трудах Маркса; и, во-вторых, именно она вдохновила октябрьскую Революцию 1917-го в России, именно она легла в основу государственного строительства СССР, именно на ней основывалась легитимность всех политических и идеологических процессов как в Советском Союзе, так и в странах, попавших под его влияние.

Напомним пафос и основополагающие содержательные утверждения марксистской теории социализма.

Так называемое капиталистическое общество, в котором жил, работал и которое описывал Маркс, – это общество, в котором, хотя и декларируется лозунг Французской революции «Свобода, равенство, братство», но которое – на самом деле – является предельно несправедливым [4]. Одна (меньшая в количественном отношении) группа людей представляет собой богатых и благоденствующих, вторая (значительно большая) – это группа людей бедных, вынужденных много и тяжело трудиться для того, чтобы только обеспечить свое физическое выживание. И это глубоко не случайно.

Уже Гегель отмечал, что «в обществе, основанном на частной собственности, рост богатства на одной стороне непременно должен сопровождаться ростом бедности на другой» [цит. по: 5, с. 47]. И Маркс, будучи младогегельянцем, вполне разделял это мнение. Требовалось, однако, выяснить, почему такое происходит? В чем заключается суть того процесса, благодаря которому при капитализме «богатые богатеют, а бедные беднеют»?

Маркс предложил следующее объяснение: глубинной причиной нарастания социального неравенства в капиталистическом обществе является капиталистически организованная эксплуатация человека человеком, а специфика этой эксплуатации заключается в институционально организованном «воровстве» так называемой прибавочной стоимости, которое осуществляет класс собственников средств производства (капиталистов или буржуазии) у класса наемных рабочих.

Маркс, руководствуясь редуцированным (можно сказать, упрощенным) вариантом характерной для классической политэкономии трудовой теории стоимости [6], полагал, что добавленная стоимость в процессе производства любого рода товаров определяется лишь так называемым «живым трудом» (см. учение Маркса об «органическом строении капитала» [7]), который наемный рабочий в соответствующем процессе производства добавляет к овеществленным факторам производства (капиталу). Но, поскольку в капиталистическом обществе конечным распорядителем всей добавленной собственности является капиталист, у последнего появляется возможность злостного оппортунистического

поведения: капиталист возвращает наемному рабочему в качестве заработной платы только часть прибавочной стоимости, а другую (оставшуюся) часть оставляет себе, т. е., по Марксу, фактически ворует ее у рабочего, что и является основной, изначальной причиной всех несправедливостей капитализма.

Из такого понимания и следует жесткий вывод Маркса: для устранения всех несправедливостей капитализма надо перейти к обществу, в котором уже не будет частной собственности на средства производства, не будет класса капиталистов, не будет, следовательно, самой возможности осуществлять эксплуатацию человека человеком.

Однако, учит Маркс, для осуществления такого перехода одного желания восстановить справедливость (субъективный фактор) мало, надо, чтобы в самом обществе сложились условия, которые бы объективно «потребовали» замены частной собственности на общественную. Такие – объективные – условия, развивает свое учение Маркс, могут быть выдвинуты лишь со стороны экономической сферы общественной жизни, когда окажется, что способ производства материальных благ (обеспечивающий саму возможность воспроизводства человеческого общества), основанный на частной собственности, обнаружит себя как менее производительный по сравнению с общественным способом производства.

Могут ли, однако, сложиться такие условия при капитализме? Да – утверждает Маркс. Само развитие капитализма противоречиво. Увеличение эффективности производства и общего материального богатства сопровождается, с одной стороны, прогрессирующей эксплуатацией и, с другой – всё более увеличивающейся пролетаризацией трудящихся. Нарастающее в условиях частной собственности на средства производства социальное неравенство, а также обусловленное опять же частной собственностью анархическое ведение хозяйства, вызывающее неизбежные при капитализме кризисы перепроизводства, становятся тормозом развития производительных сил. Для их высвобождения и требуется замена частной собственности на общественную, требуется социалистическая революция, осуществить которую в состоянии только пролетариат – класс, рождение и прогрессирующее увеличение численности которого осуществляется самим капитализмом и которому объективными законами общественного развития предназначено стать «могильщиком» капитализма.

Однако переход от капитализма к социализму отнюдь не будет легким.

Он вызовет неизбежное и отчаянное сопротивление бенефициаров капиталистического способа производства – буржуазии. Преодоление этого сопротивления – предельно трудная задача! И трудность решения этой задачи дополнительно усиливается тем обстоятельством, что буржуазия имеет у себя на вооружении государство как специализированный аппарат, позволяющий осуществлять господство одного класса (в данном случае – класса капиталистов) над другим (в данном случае – классом наемных рабочих).

И, тем не менее, если в недрах капитализма уже сложились объективные условия для его гибели, сопротивление буржуазии может и должно быть преодолено. Реализуя свое судьбоносное предназначение, пролетариат должен совершить пролетарскую Революцию, должен подняться на «последний и решительный бой» во имя Справедливости. А тактика этого боя вполне определена: овладев государством, пролетариат использует его для решительного подавления теперь уже класса капиталистов, осуществляя диктатуру пролетариата, которая позволит провести «экспроприацию экспроприаторов», обобществить все средства производства и перейти к построению бесклассового – коммунистического – общества. Так будет ликвидирована сама возможность эксплуатации человека человеком, таким путем и будет установлена истинная справедливость!

Так понимаемая марксистская теория социализма и легла в основу Программы РСДРП – партии, чье большевицкое крыло сумело осуществить в 1917 г. пролетарскую революцию в России и приступить к построению первого в мире социалистического государства. Так понимаемая марксистская теория социализма и сделалась базовым мифом СССР, что во многом предопределило и характер, и саму судьбу Советского Союза.

Но почему и на каких основаниях можно определять марксистскую теорию социализма как, пусть базовый (в смысле – основополагающий для массового коллективного действия), но миф?

Здесь следует сделать теоретическое отступление и концептуально прояснить, что же собой представляет такой (весьма, надо сказать, специфический) ментальный феномен, как миф.

Опираясь на достаточно разработанную к настоящему времени теорию мифа [8–13], отметим следующее.

Миф – это двуликий Янус, представляющий собой субъективное образование, содержательные утверждения которого имеют в глазах носителя мифа статус объективной реальности. Субъективность содержательного наполнения мифа отвечает за характерную для мифа неистинность, не-адекватность отражения в нем объективно существующего положения дел. Однако игнорирование носителем мифа субъективности содержательной определенности мифа, очарованность носителя мифа правдоподобием мифа ведут к специфической аберрации сознания – миф для носителя мифа выступает не как теоретическая конструкция, а как непосредственно жизненная реальность, «в мифе живут».

Такая жизненная вовлеченность в миф приводит к тому, что содержательное наполнение мифа уже не подвергается критической рефлексии со стороны носителя мифа. Используя возможности русской языковой культуры, можно сказать, что миф, не будучи истиной (аутентичным отражением объективной реальности), для носителя мифа выступает как правда [14–15] и начинает служить руководством к действиям, начинает нормировать поведение носителя мифа, спекулируя на отсроченности и

неоднозначности того демонстрационного эффекта, которым рано или поздно объективная реальность дает знать о том, что миф не есть истина.

Правоммерно выделить три стадии взаимоотношения человека и соответствующего мифа, которым оказывается «заражен», индоктринирован данный человек.

Стадия вовлечения в миф. На этой стадии человек должен попасть под чары мифа, что осуществляется весьма различными способами. Можно, например, довериться авторитетному мнению, утверждающему правоту тех содержательных представлений, которые характерны для данного мифа, а можно и просто не увидеть (в силу ограниченности когнитивных компетенций) ложности (не-адекватности объективной реальности) содержательных представлений мифа.

Стадия «жизни в мифе». На этой стадии человек теряет возможность критического отношения к содержательным представлениям мифа и начинает выстраивать свое поведение, зомбируясь мифом, всецело подчиняясь тем поведенческим импликациям, которые адресует человеку данный миф.

Стадия «разочарования» в мифе. На этой стадии до человека начинает доходить тот демонстрационный эффект, которым объективная реальность сигнализирует о «мифичности» (ложности содержательных представлений) данного мифа. При этом весьма характерным является упорное сопротивление человека отрезвляющему действию такого демонстрационного эффекта. Еще бы! Столько сил (пота, крови и т. д.) было затрачено на действия в соответствии с поведенческими импликациями мифа, и вдруг надо признать, что все издержки были напрасны! Для многих сама мысль об этом является просто непереносимой. Зачастую человеку легче умереть, чем окончательно выйти из мифа.

Учитывая приведенные выше характеристики феномена мифа, можно понять, когда, как и для чего может быть востребован миф в рамках социальной жизни.

Нетрудно увидеть, что «сильной» стороной мифа является его способность сплачивать людей в рамках коллективного действия. Действительно, если в миф оказывается вовлечена большая группа людей (если «идея овладевает массами»), если все представители этой группы начинают «жить в мифе», то все они начинают в своем поведении руководствоваться едиными (содержащимися в мифе) представлениями, что многократно повышает степень координации их действий и, соответственно, значительно усиливает эффективность их совместного коллективного действия. Чем больший людской массив оказывается индоктринирован мифом, тем более мощный (если хотите, грозный) агент социальных преобразований возникает в результате такой индоктринации, тем реалистичнее выглядит осуществление Проекта мифа, т. е. то социальное преобразование, которое имплицитно носителями мифа, исходя из содержательных представлений данного мифа.

Можно, соответственно, утверждать, что потребность в объединяющем массы людей мифе будет особо сильна в момент стоящих на повестке

дня социальных преобразований, когда «низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому», когда сердца, что называется, «требуют перемен». При наступлении такой ситуации в рамках данного социума «запускается» своего рода «кастинг» мифов, предлагающих Проект (ощущаемых как жгуче необходимые) социальных преобразований.

Но какой из мифов-абитуриентов способен победить в соответствующем кастинге?

В полном виде сформулировать достаточное условие такой победы вряд ли возможно, но можно указать ряд характеристик, наличие которых существенно увеличивает шансы мифа-абитуриента на победу.

Очевидно, что миф, претендующий на победу в соответствующем кастинге, должен обладать высоким потенциалом «заразительности». А такая «заразительность» тем выше, чем, с одной стороны, труднее верифицировать содержательные утверждения мифа, и с другой – более желательным представляется Проект этого мифа.

Затрудненность верификации содержательного наполнения мифа может усиливаться разными методами, в том числе:

- абстрактностью (в пределе – метафоричностью) так называемого теоретического ядра мифа, допускающего разнообразные способы истолкования (способы выведения из теоретического ядра мифа положений, подвергающихся непосредственному сопоставлению с опытом);

- когнитивной сложностью теоретических построений мифа, что заставляет для выведения из теоретического ядра мифа способных быть верифицируемыми положений прилагать чрезмерно высокие когнитивные усилия;

- проецированием в отдаленное (в пределе – недостижимое) будущее содержательных утверждений мифа, что отдаляет (в пределе – до бесконечности) саму возможность верификации этих содержательных утверждений.

Степень желательности Проекта мифа также зависит от разных обстоятельств. Проект мифа представляется тем более желательным, чем, в частности:

- более высока (более напряжена) потребность в тех изменениях, которые предлагает Проект мифа («меня обманывать нетрудно, я сам обманываться рад»);

- более «простыми», более определенными представляются действия по реализации Проекта мифа;

- более высокими представляются издержки, вызванные отказом от действий по реализации Проекта мифа.

Теперь, разобрав некоторые аспекты теории мифа, мы можем более обстоятельно поговорить о марксистской теории социализма, которая и легла в основу базового мифа СССР.

Надо, однако, сказать, что марксистская теория социализма никогда не позиционировала себя как миф, она создавалась и всегда претендо-

вала только на статус научной теории, закрепив за собой название «научный социализм». Спрашивается, может ли теория, создаваемая как научная, оказаться мифом? И если да, то может ли такой миф (которым обернулась научная теория) стать достаточно заразительным, чтобы сыграть роль базового мифа – мифа, объединяющего большие людские массы и эффективно мобилизующего их на совместное коллективное действие?

Ответ на первый вопрос очевиден. История науки полна примерами, когда научная теория, пытаясь объединить в рамках единой концепции имеющуюся фактографию, зачастую выстраивает такую объяснительную модель, которая, даже будучи вполне «работающей» в плане объяснения имеющихся фактов, оказывается «неработающей» по отношению к вновь появляющимся. Науке в этом случае приходится пересматривать – иногда предельно радикально – объяснительную концепцию (модель), признавая прежнюю сущностно неверной, т. е. мифической.

Сегодня мы точно знаем, что «научными мифами» являются, например, вышедшая из физики Аристотеля теория импетуса или характерная для классической термодинамики теория флогистона (теплорода). Но является ли «научным мифом» марксистская теория социализма?

По всей вероятности – да. Современная экономическая мысль однозначно утверждает, что тот, исповедуемый Марксом (радикализированный) вариант «трудовой теории стоимости», который и лег в основу открытия Марксом «тайны прибавочной стоимости», а следовательно, и «тайны» специфической – капиталистической – эксплуатации человека человеком, не является с научной точки зрения корректным. Это не значит, что не существует самого явления капиталистической эксплуатации. Это значит только то, что марксистское теоретическое описание этого явления нельзя считать однозначно верным, а потому следует, как минимум, поставить под сомнение (по крайней мере, с научной точки зрения) ту методику преодоления капиталистической эксплуатации (ликвидация частной собственности и, соответственно, класса капиталистов), которую рекомендует марксистская теория социализма.

Надо, однако, сказать, что проблема научной корректности политэкономических построений Маркса не слишком сильно занимала его русских последователей. Разобраться в столь тяжеловесном труде, как «Капитал», и, тем более, оценить степень его научной корректности – весьма нелегкая задача. Большинство русских марксистов не столько проверили, сколько поверили, что «Капитал» с научной точки зрения является безусловной истиной и, соответственно, все рекомендации марксистской теории социализма правильны, поскольку базируются на прочном научном фундаменте.

Но, если научная теория становится предметом веры, то – с социально-функциональной точки зрения – она начинает играть роль мифа. И при определенных условиях может стать весьма успешным «базовым мифом» для мощного социального движения. Именно это и произошло с марксистской теорией социализма – она стала весьма успешным ба-

зовым мифом, обеспечившим и победу социалистической революции в России, и построение СССР как первого в мире социалистического государства.

Но почему так произошло? Какие факторы способствовали такому – поистине ошеломительному – успеху марксистского мифа о социализме?

Здесь следует выделить и объективные, и субъективные факторы.

Потрясающий успех марксистского мифа о социализме был, во-первых, обусловлен вполне объективными условиями, в которых оказалась Россия в 1917 г.

Об этом уже много написано, так что ограничимся кратким напоминанием.

Произошедшая в условиях мировой войны (потребовавшей от России страшного напряжения сил и вызвавшей (обострившей) множество деструктивных процессов в теле российской государственности) Февральская революция 1917 г. свергла самодержавие и привела к власти Временное правительство, которое весьма быстро разрушило практически все институты, обеспечивающие жизнеспособность российского государства. К октябрю 1917-го как общий беспорядок в стране, так и импотенция власти достигли предельной стадии. Ситуация объективно требовала прихода политической силы, которая могла бы отважиться взять власть в свои руки и быстро (пусть и предельно жестким образом) навести в стране порядок.

Как мы знаем, такая сила в стране нашлась в лице исповедовавшей марксистскую теорию социализма партии большевиков (слова Ленина «Есть такая партия!» стали уже легендарными).

То, что партия большевиков оказалась индоктринирована именно марксистским мифом о социализме, также имеет вполне объективную обусловленность. Марксистский миф – объективно – имел все свойства, позволявшие ему на рубеже XIX–XX вв. претендовать на победу своего Проекта в кастинге по переустройству тогдашнего общества.

Как с точки зрения затрудненности верификации, так и с точки зрения желательности своего Проекта марксистский миф о социализме имел явно выигрышные стороны.

Марксистская политэкономия капитализма и, в частности, теория трудовой и – далее – прибавочной стоимости, открывающая, в свою очередь, «тайну» капиталистической эксплуатации, были изложены Марксом столь фундаментальным и наукообразным способом, что проверка научной правоты его теории требовала запретительно высоких для адептов марксизма когнитивных усилий.

Нельзя было определить верность марксистской теории социализма и путем опытной проверки, поскольку и наступление пролетарской революции, и, тем более, процесс построения социалистического общества выносились Марксом в неопределенное будущее, что, мягко говоря, затрудняло верификацию его теории.

Но особо выигрышным выглядел марксистский миф (марксистская теория социализма) с точки зрения эмоциональной заразительности.

Действительно, марксистский миф в полной мере эксплуатирует одну из наиболее сильных (императивных) установок общественного человека – ориентацию на справедливость, высокую желательность справедливости. Подлинно моральный человек не может мириться с очевидной несправедливостью, он должен требовать устранения такой несправедливости, он должен вести самоотверженную борьбу за восстановление справедливости, и тем активнее, чем более очевидной представляется, чем острее ощущается имеющаяся несправедливость.

Все эти чувства морального человека эффективно буддируются марксистским мифом. Блестящие публицисты своего времени – Маркс и Энгельс – поистине демонизируют капиталистическое общество, обвиняя его во множестве грехов, основой которых представляется главная несправедливость капитализма – институционально прописанная возможность эксплуатации человека человеком («тайна прибавочной стоимости»).

При этом усиленно проводится мысль (по крайней мере, в основных работах Маркса и Энгельса), что ликвидацию самой возможности капиталистической эксплуатации, проклятие которой превращает трудящихся в класс обездоленных, в класс «голодных и рабов», в состоянии произвести только пролетарская революция. Соответственно, ставящая перед собой столь благородную цель революция превращается в Революцию (высокоморальное коллективное действие по установлению Справедливости), служению которой можно посвятить всю жизнь и во имя которой оправданы любые жертвы.

Добавочное эмоциональное напряжение, особого рода «горячесть» добавляет марксистскому мифу педалируемая его основателями надежда на скорую кончину капитализма. Уже в 1848 г. Маркс и Энгельс уверяли, что «призрак коммунизма бродит по Европе», что в недрах капитализма уже созрели все предпосылки для его гибели, что «пролетарская революция» самой Историей уже поставлена на «повестку дня», что, таким образом, уже пришло время работать на Революцию, готовить Революцию, осуществлять Революцию.

Вряд ли можно считать удивительным, что обладая всеми вышеперечисленными свойствами, марксистский миф нашел своих адептов, в том числе и в среде русской интеллигенции. Русские последователи Маркса объединяются в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП) и принимают как руководство к действию основные содержательные положения марксистской теории социализма.

Уже первая Программа РСДРП (принятая на III съезде) утверждала, что производственные отношения в настоящее время достигли такого уровня развития, когда буржуазный капитализм стал тормозом на пути дальнейшего процесса. С ростом противоречий капитализма «...растет число и сплоченность пролетариев и обостряется их борьба с их эксплуататорами». Таким образом, техническое развитие «всё быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими», т. е. возможность со-

циальной революции, которая «уничтожит деление общества на классы» и «положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой». Диктатура пролетариата, которая определялась как «завоевание пролетариатом... политической власти», была «необходимым условием этой социальной революции» [16, с. 32].

Но одно дело – разработать на основе марксистского учения Программу действий, другое – суметь эту Программу воплотить в жизнь.

И здесь надо уже переходить к разговору о субъективном факторе, без которого вряд ли была возможна русская – так называемая Великая октябрьская – революция, вряд ли была возможна победа в развернувшейся после нее Гражданской войне, вряд ли произошло рождение первого в мире социалистического государства.

Таким субъективным фактором следует считать возникшую в русле российского социал-демократического движения партию большевиков во главе с гениальным политиком, а также государственным деятелем – В. И. Лениным.

Во многом, именно личности Ленина, который, будучи всецело индоктринирован марксистской теорией социализма, посвятил всю свою жизнь, отдал все свои силы делу Революции, мы обязаны пути, выбранному для себя Россией в октябре 1917-го – в той трагической точке бифуркации, в которой – объективно – оказалась страна, но в которой был возможен целый пучок траекторий будущего. Однако произошло то, что произошло. Субъективный фактор сыграл свою роль и, миновав точку бифуркации, Россия пошла по принципиально новому, но уже во многом predeterminedенному пути.

Вернувшись сразу после Февральской революции в Россию из швейцарской эмиграции (в пресловутом «пломбированном вагоне»), лидер партии большевиков проявил поистине титаническую – как теоретическую, так и практическую – активность в деле подготовки социалистической Революции. Пытаясь концептуально обосновать и возможность, и необходимость такой революции в России, Ленин, действуя в духе марксистского мифа, производит соответствующую коррекцию (творчески развивает), «букву» марксистского учения.

Как отмечает В. А. Никонов, «Ленин добавил к учению Маркса – Энгельса достаточно много. Учение об империализме как высшей стадии капитализма... Учение о государственно-монополистическом капитализме. Ленин полагал, что «война, ускорив огосударствление производства и потребления, привела к превращению монополистического капитализма в государственно-монополистический, создавая тем самым все материальные предпосылки для перехода к социализму» [Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 159, 156, 161, 192–193]. Достаточно простой национализации банков и синдикатов.

И, конечно, Ленин довел до логического завершения и развил идею классиков о диктатуре пролетариата, которую сам он считал центральной в марксизме. Ленинский марксизм вышел очень боевым и жестоким» [17, с. 209–210].

Но даже на фоне этих инноваций, внесенных Лениным в марксистское учение, выдвинутая лидером большевиков в знаменитых «Апрельских тезисах» (определенных главным русским специалистом по Марксу – Г. В. Плехановым – как «бред» [18]) концепция немедленного проведения в России социалистической революции стоит особняком.

Действительно, согласно классической марксистской теории переход к социализму возможен только в условиях полного развития всех производительных сил капитализма и только в передовой – капиталистически наиболее развитой – стране. А к таковым Россия – по существу крестьянская страна (крестьянство в это время составляло до 85 % населения России и обеспечивало 50 % ВВП), в которой капиталистические отношения переживают только начальную стадию развития, явно не относятся. Ленин с этим и не спорит.

Однако – утверждает Ленин – в условиях мировой войны, когда ведущие капиталистические державы сцепились между собой в смертельной схватке, Россия де факто оказывается в положении «наиболее слабого звена империализма», и есть все возможности это звено разорвать. Захватив государственную власть, передовые рабочие и крестьяне, ведомые партией большевиков, создадут невиданные доселе возможности для победы пролетарской революции в мировом масштабе, используя для этого все силы и все имеющиеся возможности (включая, если надо, и военную помощь). Сформулированный Лениным принцип «пролетарского интернационализма» требовал и «подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе», и «способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала» [Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 34; Т. 33. С. 99; Т. 41].

Выдвинутый Лениным тезис о подготовке к немедленному осуществлению в России социалистической революции поначалу встретил полное непонимание среди руководящих членов РСДРП(б). Но напор Ленина, его энергичная и выглядящая достаточно убедительной аргументация сделали свое дело. Ленину в конце концов удалось убедить руководство партии (а в условиях вертикального централизма и жесткой партийной дисциплины, характерных для большевистского крыла РСДРП, это значило – и всю партию) в правоте своей позиции. Развернулась грандиозная организационная и пропагандистская работа, которая вскоре принесла свои плоды. Большевикам удалось привлечь на свою сторону и уставших от бездарно ведущейся войны, анархии и разброда солдат и матросов, и так называемых передовых рабочих и заручиться лояльностью больших групп крестьянства. Первым в случае победы Революции был обещан немедленный мир, вторым – реквизируемые у капиталистов фабрики и заводы, а третьим – отнятая у помещиков земля.

На волне этих надежд и обещаний, щедро раздаваемых большевиками, и произошла первая в мире пролетарская революция. Вдохновляемая марксистским мифом социализма РСДРП(б) захватила в России

государственную власть, создав, таким образом, все условия для верификации содержательных положений марксистской теории социализма.

Теперь уже можно было перейти к воплощению в жизнь того общественного устройства, которое в рамках марксистской теории и определялось как социализм. Но какие практические шаги нужно делать для построения социализма в отсталой по капиталистическим меркам стране, было не очень понятно.

Положение дел усугублялось весьма слабой, приблизительной разработкой в марксистском учении самих представлений о социализме.

Действительно, Маркс в основном занимался изучением процессов развития и саморазрушения капитализма, но не задачей определения специфики построения будущего социалистического общества. Эта задача представлялась неактуальной до наступления момента падения капитализма.

Известный английский исследователь Карр отмечает: «Маркс не создал программы или манифеста будущего социалистического общества. Только однажды, в “Критике Готской программы”, он позволил себе бросить быстрый взгляд на “высшую фазу коммунистического общества”: когда “производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком...”, тогда “общество сможет написать на своем знамени: “Каждому по способностям, каждому по потребностям!”» [16, с. 12]

Самые первые шаги, которые должен был сделать победивший социализм, были Марксом и Энгельсом в Манифесте коммунистической партии определены так: «уничтожение частной собственности на землю, введение прогрессивного подоходного налога, отмена права наследования, централизация посредством национального банка кредита и средств связи в руках государства, распространение государственной собственности на предприятия и средства производства, одинаковая обязательность труда для всех, бесплатное образование и устранение фабричного труда детей в его современной форме» [19, с. 446–447].

Кроме того, говоря о социалистическом государстве, и Маркс и Энгельс подчеркивали необходимость перехода к плановому хозяйству. Как отмечает Карр: «в “Гражданской войне во Франции” Маркс восхвалял Парижскую коммуну за регулирование национального производства на основе “единого плана”, а Энгельс ожидал наступления такого времени, когда пролетариат, экспроприировав буржуазию, обратит “...общественные средства производства в общественную собственность” и, таким образом, сделает возможным “общественное производство... по заранее обдуманному плану”. Производство при социализме, писал Маркс в “Капитале”, будет организовано при сознательном и плановом управлении обществом. Но Маркс и не пытался рассуждать об условиях или способах осуществления общественно планируемого производства» [16, с. 13].

Ленин также имел весьма приблизительное представление о том, как должно быть организовано социалистическое общество. Автор фундаментального исследования о Ленине В. А. Никонов пишет: «Когда

на VII съезде партии Бухарин предложит дать в ее новой программе определение социалистического общества в развернутом виде, или коммунизма, Ленин парирует: – Ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип – от каждого по способностям, каждому по потребностям... Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, – мы этого не знаем, этого сказать не можем... Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится.

Главный смысл раннего социализма, – утверждает далее Никонов – Ленин видел в уничтожении товарно-денежных отношений и в уничтожении собственности. Это и был центральный пункт ленинизма. Вс` зло от собственности. И от собственников, которые ее имеют в ущерб остальным – неимущим» [17, с. 212].

Двигаясь в фарватере этих идей, возглавляемая Лениным Советская власть и начала проводить свою политику. Считалось, что, в первую очередь, надо добиться максимальной ликвидации частной собственности на средства производства путем национализации основных средств производства, сократить до минимума (в пределе уничтожить товарно-денежные отношения) и перейти к плановому ведению социалистического хозяйства, в рамках которого на первый план следует поставить «контроль и учет».

Однако очень скоро стало ясно, что такая политика, позже названная «военным коммунизмом», ведет к прогрессирующему разрушению народного хозяйства страны и вызывает ожесточенное сопротивление не только со стороны предназначенных к классовому уничтожению помещиков и капиталистов, но и со стороны огромной массы крестьянства и даже значительного числа рабочих.

Складывающееся положение дел, казалось бы, свидетельствовало, что страна, руководствуясь (благодаря захвату власти большевиками) марксистской теорией социализма, идет в неверном направлении, что большевики, очарованные марксистским мифом, ведут Россию просто к уничтожению. Но если практика построения социализма не приносит должных результатов, если, таким образом, марксистская теория социализма оказывается фальсифицированной, разве это не означает, что такая теория просто неверна?

Как оказалось, не означает. История развития социализма в России убедительно показывает (заметим, в полном соответствии с представлениями современной методологии научного знания), что опровергать теоретическое ядро марксистской теории социализма путем фальсификации выводимых из этого ядра следствий – предельно неблагодарное занятие.

Действительно, марксистская теория социализма, проверку истинности содержательных утверждений которой стал производить опыт строительства социализма в России, выстроила целый ряд путей защиты своего теоретического ядра. Мы выделим два, представляющихся основными.

Первый путь начали прокладывать уже меньшевики, в частности Г. В. Плеханов. Утверждалось, что ленинское «творческое развитие» марксистской теории социализма, связанное с обоснованием Лениным правомерности и необходимости социалистической революции в отдельной (причем, слаборазвитой) стране капитализма, есть, как минимум, ошибка.

Отход Ленина от классического (истинного!) марксизма фактически уничтожает возможность построения того социализма, о котором мечтали и теорию перехода к которому разрабатывали Маркс и Энгельс. Соответственно, тот «социализм», который большевики стали строить после победоносной пролетарской революции, состоявшейся в «наиболее слабом звене империализма», просто не является «истинным» социализмом и, соответственно, все достаточно быстро обнаружившиеся проблемы «первого в мире государства социализма» никак не могут бросить тень ни на «истинный социализм», ни, соответственно, на классическую марксистскую теорию социализма.

Но в СССР такой путь защиты теоретического ядра марксистской теории социализма (он, в основном, разрабатывался в рамках западного неомарксизма [20–21] , такими его представителями, как, в частности, К. Лефор [22]) по очевидным причинам (по крайней мере, в рамках публичного пространства) не подлежал артикуляции.

В нашей стране возобладал второй путь защиты теоретического ядра марксистской теории социализма. Что же это за путь?

Принципиальным здесь было утверждение, что творческое развитие Лениным классического варианта марксистской теории социализма полностью находится в русле марксистских представлений, пропитано духом Маркса и, в этом смысле, Ленин Марксу никак не противоречит. Но если Маркс – стратег, то Ленин – блестящий тактик. Действуя в рамках тех ситуационных возможностей, которые сложились в России в условиях общего кризиса капитализма, усиленного жестокой войной, ведущейся между империалистическими державами, т. е. в той ситуации, которую Маркс и не предполагал, и не описывал, Ленин просто спроецировал основные принципы марксистской теории на создавшиеся условия и, таким образом, по сути, продолжил Маркса.

При этом сам факт успешно состоявшейся пролетарской революции говорит о правоте, т. е. убедительно верифицирует ту – уже марксистско-ленинскую – теорию, которой руководствовались большевики.

Но, осуществив победоносную социалистическую революцию в далеко не самой передовой стране капитализма, большевики оказались в ситуации, о которой Маркс также ничего не писал. Действительно, на поставленный вопрос: «Каким образом приступить к строительству социализма в такой ситуации?» ответа в трудах Маркса найти не удастся. Большевики просто вынуждены были домысливать за Маркса и, соответственно, «творчески развивать» Маркса, что, естественно, не могло не вызывать вопроса об аутентичности вариантов такого рода «творческого развития» истинному марксизму.

При этом фактически неизбежной становилась ситуация конкуренции различных вариантов «творческого развития» марксизма. Однако установить по критериям научной корректности аутентичность марксистской теории определенного варианта проекции марксистского учения на те конкретные условия, по отношению к которым марксистское учение ничего не говорит, если и не невозможно, то предельно затруднительно.

А вот «заявить» о такой аутентичности достаточно просто – для этого достаточно 1) задекларировать приверженность марксизму, 2) сослаться на те или иные положения из марксистского наследия и 3) изложить свою (позиционируемую как творческое развитие марксизма) позицию, не впадая в очевидное противоречие со своими ссылками на Маркса.

Именно такого рода задекларированные как марксистские, но сущностно оспариваемые по вопросу аутентичности истинному марксизму (и при этом не могущие быть вполне верифицированными по критерию аутентичности) варианты «творческого развития» марксизма начинают борьбу между собой в условиях построения первого в мире социалистического государства.

И в такого рода конкуренции, как показала история развития социализма в России, одерживает победу отнюдь не самый аутентичный марксизму вариант, а вариант, который лоббирует наиболее влиятельная политическая группа (и/или персона) в ЦК приобретшей монопольную власть в России партии большевиков (РСДРП(б), с 1918 г. РКП(б), с 1925 г. ВКП(б), а с 1941 г. – КПСС).

При этом именно победивший вариант объявляется наиболее аутентичным марксизму, т. е. «истинно марксистским», а проигравшие варианты квалифицируются как «отступление от марксизма», «ревизия марксизма», что в условиях жесткой – во многом подковерной – политической борьбы и идеологической нетерпимости, характерных для страны победившего социализма, сулило серьезные неприятности для «заблуждающихся» марксистов. От вывода из руководящего состава партии или, вообще, из партии, вплоть до осуждения и физического устранения.

Так, уже после смерти Ленина в партии большевиков развернулась борьба между двумя вариантами «творческого развития» марксистской теории – собственно «ленинским», за который в первую очередь выступал Л. Д. Троцкий, и «сталинским», который поддерживала группа высших партийцев во главе с И. В. Сталиным.

«Ленинский» вариант «творческого развития» марксизма, опиравшийся на такую (внесенную Лениным) инновацию в классический марксизм, как осуществление пролетарской революции в отдельной (и капиталистически отсталой) стране, считал невозможным построение социализма в отдельно взятой стране (в данном случае – в России) без мировой пролетарской революции.

Однако, когда надежды на мировую революцию оказались тщетными, в партии возник и другой, названный «сталинским», вариант «творческого развития» марксизма, согласно которому «возможно построить социализм в отдельно взятой стране».

И хотя, с точки зрения беспристрастного наблюдателя, уже «ленинский» вариант не аутентичен классическому марксизму, но он всё же явно ближе к последнему, по сравнению со «сталинским». Однако борьба между Сталиным и Троцким за лидерство в партии закончилась безоговорочной победой Сталина. В результате, наиболее глубокий и знающий марксист в партии большевиков, посвятивший всю свою жизнь делу победы социалистической революции и строительству социализма, был изгнан за пределы СССР, лишен советского гражданства и позже – по прямому указанию Сталина – умерщвлен.

При этом как сама фигура Троцкого, так и весь корпус его теоретических представлений о социализме, получивший название «троцкизма», подверглись в СССР столь оголтелой диффамации, что до сих пор, особенно для неспециалистов, Троцкий представляется одиозной личностью, а «троцкизм» – антимарксистским и крайне неправильным учением.

Возникшая в СССР борьба вариантов «творческого развития» марксистской теории социализма, победу в которой одерживал не столько аутентичный марксизму, сколько эффективно политически лоббируемый вариант, обусловило наличие, по крайней мере, двух, представляющихся весьма принципиальными, тенденций, которые прослеживаются в истории первого в мире социалистического государства.

Первая тенденция – это тенденция прогрессирующего отрыва проводимых обладающей монополией на власть партией практик государственной политики и государственного управления народным хозяйством от содержательных положений тех вариантов «творческого развития» марксистской теории социализма, которые прокламировались в СССР. Дело государственной политики и государственного управления всё более опиралось не столько на марксистскую теорию, сколько на ситуационный анализ и «здравый смысл» (в первую очередь, руководителя партии) подсказывающий направление тех шагов, которые предпринимали партия и правительство в целях развития вверенной им страны.

Но в стране победившего социализма легитимацию всех управленческих действий, которые осуществляли партия и правительство, можно было проводить только на основе демонстрации верности устоям марксистской теории социализма. Отсюда вторая тенденция: всё большее привлечение ресурсов (как материальных, так и кадровых) для поддержания (как через «пряник», так и через «кнут» по отношению к диссидентствующим) теоретизирования в рамках обсуждения и развития марксистской теории, что – в условиях отрыва усердно артикулируемой марксистской теории от реальных практик управления в СССР – сочеталось с прогрессирующим нарастанием схоластичности и мифогенности в рамках такого рода теоретизирования.

Результат всем известен – это крах Советского Союза. Причины этой геополитической катастрофы еще долго будут обсуждаться. Но то, что свой вклад в дело разрушения первого в мире социалистического госу-

дарства внесли метаморфозы базового мифа СССР, приведшие к утрате эффективного теоретического обеспечения советских практик управления, – не вызывает сомнения.

Литература

1. *Манхейм К.* Идеология и утопия / К. Манхейм // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М. : Юрист, 1994. – С. 7–277.
2. *Сорель Ж.* Размышления о насилии / Ж. Сорель. – М. : Фаланстер, 2013. – 293 с.
3. *Жюльер Ж.* Предисловие / Ж. Жюльер // Сорель Ж. Размышления о насилии. – М. : Фаланстер, 2013. – С. 9–27.
4. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 235–517.
5. *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля / Г. В. Плеханов // Плеханов Г. В. Соч. : в 24 т. – М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. – Т. VII. – С. 31–60.
6. *Бём-Баверк О.* Критика теории Маркса / О. Бём-Баверк. – Челябинск : Социум, 2002. – 266 с.
7. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 1–784.
8. *Токарев С. А.* Мифология / С. А. Токарев // Мифы народов мира : в 2 т. – М., 1980. – Т. 1. – С. 11–20.
9. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия / Б. Малиновский. – М. : Рефлбук, 1998. – 304 с.
10. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М. : Республика : Terra-Книжный клуб, 1999. – 392 с.
11. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. – М. : ОГИ, 2003. – 296 с.
12. *Хюбнер К.* Истина мифа / К. Хюбнер. – М. : Республика, 1996. – 448 с.
13. *Элиаде М.* Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Академ. проект, 2010. – 256 с.
14. *Черников М. В.* Концепты «правда» и «истина» в русской культуре : проблема корреляции / М. В. Черников // Полис : политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 43–61.
15. *Черников М. В.* Философия Правды в русской культуре / М. В. Черников. – Воронеж : ВГУ, 2002. – 202 с.
16. *Карр Э.* История советской России : в 14 т. / Э. Карр. – М. : Прогресс, 1989. – Т. 1: Большеви́стская революция : 1917–1923. – 387 с.
17. *Никонов В. А.* Ленин. Человек, который изменил всё / В. А. Никонов. – М. : Эксмо, 2020. – 651 с.
18. *Плеханов Г. В.* О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен / Г. В. Плеханов // Октябрьский переворот : Революция 1917 года глазами ее руководителей : воспоминания русских политиков и комментариев западного историка. – М., 1991. – С. 170–178.
19. *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 419–459.

20. *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма / П. Андерсон. – М. : Интер-Версо, 1991. – 272 с.

21. *Дудник С. И.* Маркс против СССР. Критические интерпретации советского исторического опыта в неомарксизме / С. И. Дудник. – СПб. : Наука, 2013. – 304 с.

22. *Лефор К.* Политические очерки (XIX–XX века) / К. Лефор. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. – 368 с.

Воронежский государственный технический университет

Черников М. В., доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории

E-mail: mv.chernikov@gmail.com

Voronezh State Technical University

Chernikov M. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History

E-mail: mv.chernikov@gmail.com

М. В. Черников. Базовый миф СССР...